

Оглавление

Глава 1. Сын раздора.....	7
Глава 2. На уставших камнях	25
Глава 3. Ангелы и насекомые	50
Глава 4. Смех в темноте.....	77
Глава 5. Угол падения	109
Глава 6. А врагов ещё ближе.....	135
Глава 7. Усмешка богов.....	158
Глава 8. Сны забвения и блаженства	184
Глава 9. Люди среди деревьев.....	210
Глава 10. Шифр сдвига	235
Глава 11. Банальный метод	260
Глава 12. Путь всей земли.....	278
Глава 13. Тени на стене	297
Избранные места из записок Антона Ч. — пропавшего без вести	327
Эпилог	345

*Вы принадлежали к тому типу невежд,
который так боится жизни, что только
и умеет презирать ее из страха, как бы случайно
не полюбить что-нибудь такое, что не отвечает
стандартам горстки людей, которыми
он восхищается*

«Мир чудес» Робертсон Дэвис
Перевод Г. Крылов

Глава 1. Сын раздора

В поле зрения Аси чёткие контуры зданий и предметов расплзались от небывалой усталости. Оставались только цвета. Серый — мглистый, небесно-сонный в слепых облаках и отблесках дальней грозы. Зелёный — мшистый, бархатный, шершавый и шепчущий в кронах и кустах. И красный — родной и реальный, как ссадина на руке и ромбы на рюкзаке. Красный почти всегда скорее внутри, чем снаружи, скорее суть, чем обстоятельство. Потому что кровь не водица.

Она поднималась по лестничным пролётам на третий этаж, с трудом волоча за собой чемодан. Остановившись перед нужной дверью, едва не толкнула её ногой. Но одёрнула себя — неловко бы вышло. Новые двери стоит открывать вежливо, со стуком. К тому же внутри её ожидает незнакомка, с которой Асе предстоит жить ближайшее время. Выдыхая и стряхивая усталость, чтобы появиться перед соседкой в подобающем виде, Ася

мысленно оглядывалась на сегодняшний день. Он казался неправдоподобно долгим.

Её разбудили в половине седьмого, и первые несколько мгновений она не могла понять, что происходит, почему благословенный и безмятежный летний сон так грубо нарушен. Потерев глаза, Ася оглядела свою комнату и всё поняла. Зяблик смотрел настороженно и тоскливо, сидя на своей ветке. Обнажённый письменный стол сиротливо жался к стене, с которой сняли все постеры, открытки и календари. Раскрытый зев чемодана призывал затолкать в него как можно больше вещей. И лишь опустошенные шкафы облегчённо вздыхали. Настал момент прощания. Уже после, в череду суетливых сборов, она подумала о том, что покидать эту комнату ей если и жаль, то лишь слегка. Ведь не будь зяблик нарисованным, он бы тоже непременно упорхнул. Асе нравилось одушевлять окружающее пространство — без этого художественного вымысла день получался до обидного прозаичным.

— Возьмёшь? — Когда дверь в комнату толкнули, она, досадливо скрипнув,пустила вешалку с кроличьей дублёнкой, позади которой виднелась мама. — До Нового года ведь не вернёшься, а как морозы ударят в декабре? Почтой высылать придётся.

— Так ведь на юг еду. — Ася погладила белый мех. Хорошая вещь. Папа лично подстрелил каждого несчастного кролика для её пошива. — Тем более чемодан и так не закрывается.

— Ну-ка! — Мама вручила Асе вешалку, а сама прошествовала к ощерившемуся молнией противни-

ку. — Делов-то, — хмыкнула она, без видимых усилий укомплектовав багаж. Она глядела с тем самым выражением, присущим только матерям, которые с помощью ловкости рук и без какого-либо мошенничества способны на всё, чего самостоятельно не смог сделать их отпрыск. — Пошли. — Мама выдвинула длинную ручку и покатила чемодан за собой в коридор.

Ася аккуратно положила дублёрку на кровать, нарушив симметричную опустошённость своей комнаты, подхватила рюкзак, привалившийся к стулу, и, не оборачиваясь, выбежала. Лучше быстрее отодрать от себя прежнюю жизнь, как пластырь, пока не начала сожалеть о её безвозвратной потере.

На первом этаже царила суматоха: посуда после спешного завтрака ещё не была вымыта, а многочисленные ящички так и остались выдвинутыми в ходе поисков необходимых мелочей. Входная дверь, раскрывая настезь в прощальном жесте, хлопала, будто подгоняя. Предпоследний день августа близился к середине, ветер поднялся холодный и влажный, предвещающий скорую грозу. Уходящее лето выдалось мокрым и пасмурным, но погода, похоже, не собиралась меняться в лучшую сторону.

Подойдя к столу за последним уцелевшим тостом (масло полностью растаяло и впиталось, отчего поджаренный хлеб стал только вкуснее), Ася заметила выглядывающую из-под скатерти мордочку Пуаро. Жаль, в общежитие нельзя брать с собой котов, даже таких замечательных, как он. Ася почесала питомца за ушком. Она несколько лет мечтала о дымчатом британце,

а теперь бросала его. Хорошая же из неё хозяйка получилась. Пуаро смотрел укоризненно, тыкаясь мокрым носом в её голую коленку. «Я не нарочно. Я скоро вернусь», — безмолвно обещала Ася. Последний раз подняв тяжелевшего с каждым годом Пуаро на руки, она прижала его себе, поцеловала в макушку и отнесла кота на его любимое кресло.

Затем быстро сунула ноги в потрёпанные кеды, закинула лямку рюкзака на плечо и вышла навстречу воздушному потоку. Порывкивал мотор старенького «Форда», подогнанного к самому крыльцу, а папа уже успел загрузить багажник и теперь стоял рядом с мамой.

Ася выдавила ободряющую улыбку. Родители стояли в обнимку, такие трогательные: папа, возвышавшийся над мамой на пару голов, прижимал её к себе и успокаивал как ребенка. Ася знала, как им не хотелось отпускать её учиться в такую даль. Да ещё и в тот самый университет, который принёс их семье столько волнений. Мама отговаривала её, вздыхала и охала, но в итоге смирилась. Однако понять, как она на самом деле расстроена, было легко: сегодня, готовя завтрак, она разбивала яйца в урну, а скорлупу оставляла на сковороде.

Папа изначально поддержал Асю, как и во всех других начинаниях. Соорудить над кроватью балдахин? Запросто. Хочешь играть на скрипке? Пожалуйста! Не понравилось? Конечно, бросай. Конный спорт? Организуем. Завести дорожного кота? Обязательно. Поступить в тот же университет, что и брат?.. Что ж, ладно, если так хочется... Папа всегда говорил, что у Аси

«есть характер», но не уточнял, какой именно. Судя по всему, достаточно сильный, чтобы делать то, что взбрѣдет ей в голову, не отзываясь на увещевания.

— Точно ничего не забыла? — Папа приобнял Асю за плечи, когда она, наконец, подошла к машине. — Вернуться уже не успеем.

— Ничего. — Ася уверенно кивнула. Самое важное она держала поближе к себе. Перепроверяла наличие этой вещи несколько раз.

— Тогда по местам.

Дом скрылся за поворотом, за окном замелькали ряды типовых коттеджей, малиновые кусты, торчащие из-за сеток, свисающие на дорогу ветки яблонь. Посѣлок оставался позади, а «Форд» въезжал в город, живший своей жизнью, не заметивший ни Асиного прибытия, ни её последующего отъезда. Путь до вокзала занял меньше получаса, наполненного докучливыми песенками по радио, беспредметной болтовней родителей и задумчивым молчанием Аси.

Люди, жутко занятые, понедельничные, сновали туда-сюда между луж. Асфальт не успел высохнуть. Должно быть, дождь прошѣл совсем недавно. Цвет глаз Аси часто сравнивали с мокрым асфальтом, но она не считала этот оттенок приятным. Прохожие, катящие чемоданы, предчувствовали скорую разлуку с посеребрѣнными каплями летним городом. Ася всегда грустила накануне наступления осени, а в этот раз ощущала тоску особенно остро, но как могла держалась.

Чтобы подбодрить себя, она провела пальцами по пластмассовым кубикам браслета. «Вечность», —

гласило выложенное ими слово. Никакого глубокомысленного подтекста, просто эту вещь ей подарила Вика, с которой они стали лучшими подругами после спектакля «Снежная королева» в пятом классе. Ася играла Герду, а Вика — Кая, потому что мальчишки отказались участвовать в постановке, а у неё как раз была подходящая стрижка: короткие волосы стали её наказанием за неудачный парикмахерский опыт с маминими ножницами. Они тогда смеялись до колик, разгрызали шипучки, от которых их языки позеленели, а к концу вечера поклялись в вечной дружбе. Через неделю Вика принесла ей этот браслет. Подруга — одна из тех, кого Асе не хватало в этот важный день. Но, будь она рядом, ещё неизвестно, стало бы легче или наоборот. Они простились два дня назад, потому что сама Вика тоже упорхнула из родительского дома, но в противоположную сторону — на север, в Питер, поступать в консерваторию. Она, в отличие от Аси, скрипку не бросила.

Но больше всего не хватало брата... Впрочем, если бы не он, Ася бы вообще не направилась туда, куда она едет. Да, это всё ради него.

Ася излишне нервозно хлопнула дверью, но папа оставил это без внимания, суетясь с багажом. Тучи над железной дорогой опасно сгустились, когда они втроём зашагали к платформе. Поезд уже подали. Асе предстояло трястись в нём почти три часа. Они подошли к нужному вагону.

— Ну, посидим на дорожку. — Папа опустился на корточки. Ася присела на свой чемодан, мама расположилась на скамье.

КОРНИ ТЯНУТСЯ К ГРОБАМ

— Особо не оголяйся. Там ненамного теплей, — напутствовала мама.

— Хорошо.

— Учись прилежно, — попросил папа.

— Постараюсь.

— Звони каждый день, не забывай.

— Ладно.

— Допоздна не сиди, режим собьёшь.

— Ага.

— И, пожалуйста, — мама поднялась, — будь осторожна. — Её глаза наполнились слезами, и она крепко обняла дочь. — Ты у меня одна осталась.

— Не переживай. — Ася прижалась к ней. — Всё будет нормально.

— Рассчитываю на твоё благоразумие, доченька. — Настала очередь папы. Он сжал Асю в объятиях почти до хруста костей.

— Я — сама рассудочность, — отступила на шаг. — Попробую одна затащить багаж, надо же привыкнуть.

— Не буду препятствовать, — замахал руками папа.

Ася с трудом занесла чемодан в поезд, выбрала место у окна и по направлению движения, по заветам мамы. Заметила сквозь мутное поцарапанное стекло родителей. Как они ни пытались скрыть своё состояние, их сложно было назвать радостными. У Аси защипало в носу. Она снова принялась перебирать бусины браслета. Вечность. Сепарация. Долг. Есть вещи важнее детской привязанности.

Поезд тронулся. Ася махала родителям, пока не заняла кисть. Небеса разразились грохотом грома — из туч

хлынул ливень. Его сплошная пелена застилала окно. Вокруг — слепая зона, неизвестность. Но где-то впереди маячит вполне определённая цель.

Три часа пронеслись в полудрёме под приглушённые звуки музыки в наушниках, стук колёс и капель. Ася пыталась в очередной раз перечитать буклет университета, но роившиеся в голове мысли о прошедшем и будущем, полные сомнений и чаяний, затрудняли этот процесс. Разбитая и помятая, Ася вышла на конечной станции, с усилием волоча за собой чемодан.

Ей доводилось уже здесь быть в прошлом году. Они с родителями приезжали сюда, часами сидели в полицейском участке и кружили по центру, обклеивая информационные доски и фонарные столбы объявлениями о пропаже: *«Черных Антон: 22 года, средний рост и комплекция, волосы русые, глаза серые»*. Двадцать три. Сейчас ему уже исполнилось двадцать три, но они не отпраздновали его день рождения, потому что листовки с нечёткой фотографией её брата ничем не помогли.

В прошлый раз Ася бродила по городу как в тумане — ни улиц, ни бульваров не разглядела, всё казалось дурным сном. Но и теперь, будто впервые здесь очутившись, она не осматривалась кругом: всё равно её путь ещё не окончен, она лишь проездом, ей дальше. Дальше её увёз с вокзала раздолбанный, плюющийся чёрными выхлопами пригородный автобус. Красно-белый — под цвет её кед и полосатой футболки. И спустя двадцать минут в душном салоне, наполненном не слишком воодушевлёнными студентами